

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ОН БЫЛ мудрым стариком, этот Агабо Богверадзе. С высоты своих лет и опыта, притаившихся в хитром прищуре глаз, он не судил сыновей — нет! — но поправлял, но учил их любви. К земле, к очагу, к тому винограднику, что воспоен потом и трудом предков их славного рода... Учил быть людьми с людьми — истине, которая приходит на склоне жизни — трудной и счастливой. И пока он, Агабо, жив, пока арба его еще не перевернулась — так будет...

Закончился спектакль, стих шум аплодисментов. В гримуборной сброшен костюм старого грузина и легкими масками снят грим, но Агабо Богверадзе из спектакля по пьесе О. Иоселиани «Пока арба не перевернулась»... еще в нем, еще звучат в уме его слова, его основательностью полны движения и его юмором — искрящиеся глаза...

Борис Петрович поворачивается на стуле:

— Правда, большая жизненная правда в этом старике, — говорит он, — правда, основывающаяся на вечных понятиях — доброте, гуманизме, приверженности к родной земле. К тому, что создало, породило человека — это, знаете, как у Антея...

Но мой Агабо — не тихий и скромный проповедник этой истины, не сторонний наблюдатель, а активный конкретный человек. С юмором и нотками горечи — так и в жизни бывает, что радость смешана с печалью, и по соседству с одним началом в человеке существует другое, противоположное...

Борис Петрович Чирков — имя, с которым связано развитие нашего театра и киноискусства. Народный артист СССР, лауреат Государственных премий, Герой Социалистического Труда. Говорят, что ленинградские, а затем и московские почтальоны не раз вспоминали песенку «Где эта улица, где этот дом?», получая письма со всех уголков страны и из-за рубежа без адреса, с одной лишь припиской: «Максиму». Любовь к этому образу в сердце каждого столь велика, что корреспонденция неизменно попадала по адресу, и, пожалуй, не было письма, на которое бы Борис Петрович не ответил: переписка со зрителями длится вот уже больше 30 лет. С этого и начинается наш разговор.

Б. П. Чирков улыбается:

— Совсем недавно, после того, как Центральное телевидение вновь показало трилогию о Максиме, поток писем увеличился. Запомнилось одно: молодые супруги пишут, что своего сына решили назвать Макси-

мом, пусть растет таким же стойким, мужественным... Ну, а если серьезно, письма — это живая связь со зрителями, своего рода барометр, определяющий качество вашей работы: нашел ли верный тон в той или иной роли, точно ли отобразил характер, стал ли герой образом полнокровным, жизненным...

— Борис Петрович, 70 киноролей, свыше ста театральных — это более, чем солидный список. Санчо Пансо в «Дон Кихоте» М. Сервантеса и Тиль в «Легенде о Тиле Уленшпигеле» по Шарлю де Костеру, Флор Баев в «Одиночестве», Н. Вирты и Фрол Федулъч Прибытков в «Последней жертве» А. Н. Островского — разноплановые, на первый взгляд, даже взаимоисключающие роли, характеры. Что как актера привлекло Вас в них, что они дали, чем обогатили?

— Если отвечать коротко, то так: проверка своего актерского «я». После того, как вышел на экраны «Максим», сложилось мнение, что вот такие рабочие, простые парни и есть амплуа Бориса Чиркова. Другое дело, что этот образ был мне созвучен, вместе с ростом Максима рос и я как человек, как гражданин. Но меня всегда увлекало разнообразие образов. Вот почему с радостью согласился на предложение режиссера Лукова сыграть роль... Махно. Некоторые приятели даже приходили, выговаривали: ты что, серьезно? Да, серьезно! Актер, если он актер настоящий, должен через созданный образ выразить свое «я», свое отношение к жизни. Если Максимом я говорил — подражайте таким людям, то, играя Махно, предостерегал!

Каждый артист обладает своим, свойственным только ему, индивидуальным видением жизни. Поэтому одна и та же

роль Фрола Федулъча Прибыткова совершенно по-разному звучит у меня и В. В. Меркурьева, доброго моего приятеля в Ленинградском академическом театре им. Пушкина. Мы не одни ставили этот спектакль к 150-летию со дня рождения великого русского драматурга. Но «Последняя жертва» нашего театра и, допустим, театра им. Моссовета несхожи. Профессия актера предполагает в себе творчество, так что подход к каждой роли должен быть таковым. Отсюда мы уже судим о мастерстве.

— А как начинался актер Борис Чирков, откуда берет истоки театральная биография?

— В семье никого, представляющего какую-нибудь театральную профессию, не было, да и в городке, где родился и вырос, театра как такового не существовало. Нагинск, где я учился в реальном училище, насчитывал тысячи четыре жителей. Оторванный от всего мира (до железной дороги полтора километра, до ближайшей судоходной реки чуть меньше), он только имел «Общество трезвости». Там была библиотека, играли в карты, ну и зал небольшой, где местные

любители организовали кружок театрального искусства.

Однажды у них заболел суфлер. Пришли в училище: «Кто лучше всех у вас подсказывает?» «Чирков, Чирков...» — зашумели однокашники. Так я оказался на сцене, правда, в суфлерской будке. Первый «выход» имел плачевный конец: увидел декорации, актеров в гриме, я начисто забыл миссию, с которой был приглашен, и стал проговаривать текст с интонациями, выражением. В зале зашумели, потом засмеялись. — я не унимался. Занавес пришлось опустить.

На следующий день в училище, рассказывая о своих впечатлениях товарищам, категорически заявил: «Театр — дело нестойкое, отношения к нему никогда иметь не буду». Но, как видите, ошибся. Случайная причастность к театру, имевшая место более пятидесяти лет назад, переросла в мою профессию, мою работу...

Через несколько лет, учась в Ленинграде на инженера, имея за плечами опыт самодеятельной игры, перешел в Институт сценических искусств. Потом работа в ТЮЗе, одном из первых, если не первом театре для детей и юношества в стране. Эта школа дала много талантливых исполнителей: Черкасова и Кадочникова, Блинова и Полицеймако...

Но как-то хотелось посмотреть на себя со стороны, что делаю, чему научился? Снялся в немого кинематографе у режиссера Кроля. С просмотра материала убежал — показалось ужасно, неестественно, но кино есть кино...

Через некоторое время Трауберг и Козинцев, молодые тогда режиссеры, предложили мне сыграть в первом их звуковом фильме «Одна». Так пришел в кинематограф и верен ему до сих пор.

— Борис Петрович, в сегодняшнем спектакле играет Л. Б. Чиркова...

— Да, это моя дочь Людмила. Она закончила ГИТИС, и теперь в труппе театра имени Н. В. Гоголя. Здесь же работает и моя жена — заслуженная артистка республики Л. Ю.

Геника. Осенью на телевидении будет показан спектакль по пьесе Афиногенова «Машенька», который мы с ней поставили совместно, центральную роль исполнила дочь. Так что получается театральная династия...

— Хорошо известно, что театральную деятельность Вы совмещаете с общественной. Вы член Комитета по Государственным и Ленинским премиям, где руководите секцией театра, первый заместитель председателя Всероссийского театрального общества, председатель Центрального совета по работе театров на селе, член редколлегии журнала «Советский экран», — и это, видимо, далеко не полный перечень. К тому же Вы пишете книги...

— В нашей стране актер, как и представитель любой другой профессии, прежде всего гражданин. Чтобы всегда быть в гуще жизни, знать, что волнует людей, мало быть просто актером, замыкаться в своей скорлупе. Вот почему я считаю, что общественная деятельность — моя прямая обязанность — актера, коммуниста.

Ну, а книги... Сейчас в издательстве «Советская Россия» выходит одиннадцатая — «Азорские острова». О чем она? Это рассказ о времени, о людях.

— И последний вопрос, Борис Петрович, будет ли продолжение цикла театра одного актера: зрители хорошо помнят Ваше чтение «Грабежа» Лескова?

— Работу на телевидении не прекращаю, так что после тюменских гастролей, ближе к осени, буду готовить продолжение цикла. Для этой цели я выбрал рассказ Всеволода Иванова «Наборщик»... Видимо, и постановка «Машеньки» — только первый опыт, думаю, что продолжение будет.

...Завтра — другой спектакль. И уже другой человек появится на сцене, чтобы утверждать чистое, светлое или отрицать, клеймя, низкое. И всегда сомневаться, всегда познавать себя в развитии, в течении бытия, отпущенного двумя часами короткого театрального действия. И хотя изменится его походка, голос так, что и «чирковского»-то почти не останется, все-таки... Все-таки это будет Чирков.

А. ОСИНСКИЙ.

Фото А. Монроусова.

Борис Чирков: «...БЫТЬ АКТЕРОМ!»